

мые изначальные, те, которые легли в основу не только цирка, но и театра. Со временем две эти ветви публичной игры решительно разошлись, и каждый двинулся по своей дороге на встречу с собственной художественной судьбой.

Однако в высочайшие, принципиальные моменты театральной истории именно «клоун» (этот дерзкий площадной забавник, поглазеть на которого издревле в разных концах света собирались целые толпы) под разными именами и обликами непременно является на драматической сцене. Это он лицедействует в комедиях Аристофана. Орудует в средневековых фарсах. Бродит по Италии в труппах комедии дель арте, играя на городских площадях, проникая и в самые изысканные дворцы. Преображается в знаменитых и мудрых шутов из драматических шедевров Шекспира. Подсказывает Мольеру самые острые сценические ситуации в его комедиях...

И все же самым благоприятным для клоуна, безусловно, оказался век двадцатый, в котором не только театр, но и другие виды искусства отмечены его явным присутствием. Он смотрит на нас с графических листов и живописных полотен, превращается в музыкальные темы, оккупирует эстраду, танцует на балетной сцене, триумфально завоевывает кинематограф, исподволь влияет на творческое сознание поэтов, писателей, появляется под разными масками в большинстве пьес абсурдистов...

В современном театре древние гены игры, сохранившиеся в «дурачествах» многих поколений клоунов, активны как никогда. Вместе с возрождением принципов условного площадного театра возродился интерес к природе его исполнительского искусства. «Новые» и «новейшие» системы, теории, способы актерской игры минувшего века несут в себе этот неистребимый «клоунский» ген.

Станиславский и Михаил Чехов. Мейерхольд и Вахтангов. Пискачев, Брехт и Арто. Гротовский, Стрелер и Брук. Наши студенческие театры послевоенной поры и Таганка Любимова. Някروشюс, Гинкас, Фоменко, Жолдак и прочие нынешние любимцы театральной критики. Все они ощущали рядом с собой властное присутствие «клоуна». Кто-то брезгливо и страстно пытался изжить его влияние в себе и своих актерах. Кто-то радостно (одни - стихийно, другие - теоретически осознанно, практически деятельно) отдавался ему.

Сценические энергии современной драматической сцены все чаще ищут и находят подпитку в простых, жестких энергиях цирка. В результате сегодня уже нет той резкой границы, которая существовала между театром и цирком еще в девятнадцатом веке.

Впрочем, похоже, и граница между цирком и нашей обыденной жизнью с каждым днем тоже становится все неощутимей и тоньше...

Римма КРЕЧЕТОВА

БЕЗ СТРАХОВКИ...

Ольга
ГАЛАХОВА

Цирк - это риск, отвага, с которой на ваших глазах эти отчаянные люди с улыбкой на устах совершают чудеса. Преодолеть препятствие или погибнуть - в цирке третьего не дано.

Цирк - это мастерство, с помощью которого побеждается страх.

Цирк - это улыбка.

Цирк - это печальное напоминание о том, что твое счастливое детство в прошлом.

Цирк - это счастье, потому что дает возможность вспомнить о том, как ты был счастлив.

Цирк на Цветном бульваре - наша славная история и не менее славное настоящее. 125 лет - 125 сезонов, согласитесь, немало, чтобы гордиться своим правом на историю.

Но каково его настоящее? Цирк стал разным. Театр, зачастую завидующий подлинности и виртуозной технике цирка, то и дело берет свой реванш. Традиция сблизить зрелище манежа со сценическим искусством то и дело находит своих адептов у нас и за рубежом. Слава Полунин не захотел стать клоуном манежа, предпочтя подмостки. До него Леонид Енгибаров доказал, что в цирке клоуну дано право не только на комическую репризу, но и на лирику. И манеж можно превратить в пространство, которое задышит нежностью. Директор цирка на Цветном, сын великого артиста Юрия Никулина, пригласил французского режиссера Пьера Бидона, поставившего представление под названием «Планета Цирк», которое облизало со спектаклем.

Свойство французских синтезировать разные культуры, через этот синтез создавать образ цивилизации во всей полноте проявилось и в новом спектакле «Планета Цирк», где в первом отделении дано право на голос в этом хоре представителям древнейших цирков - африканскому, китайскому, латиноамериканскому и, конечно, не столь древнему, но самобытному русскому. Причем каждую культуру народа в данном случае представляют (за редким исключением) посланцы из Габона, Мексики, Китая. Второе отделение - современный цирк, элегантный, изящный, в котором национальное не столь важно, сколько важно обладать способностью вписаться в общий стиль. Цирковая группа артистов из Германии и Англии, Китая и Франции, России здесь - артисты хорошего вкуса и тона, не кочевые комедианты с потрёпанными балаганчиками. В финале они выходят во фраках и белых манишках, в вечерних платьях, с бокалом шампанского в руках. Эта артистическая тусовка - дамы и джентльмены, светская компания, коротающая с вами вечерок.

Клоунская группа п/р Алексея Емелина, трижды выходящая на манеж в этом представлении, не исключение. Муж и жена Ирина и Алексей как нельзя лучше вписываются в это зрелище без потерь для своего стиля.

В их лице на манеж приходит новая клоунада. Ирина - дрессировщица, дочь циркового артиста Петра Простецова, который в этом же представлении выступает с номером дрессированных пуделей - остроумным и мастерским. Клоунадой ее соблазнил муж Алексей, который, впрочем, начал в цирке с эквилибристики и не намерен расставаться с этим жанром. Для них обоих артист цирка должен уметь все.

Как клоунская пара они придумали свои маски. Джентльмен Алексей в цилиндре и фраке и панк при нем, срывающий высокий настрой своего партнера, - Ирина, одетая тоже во фрак, но вместо цилиндра у нее огненно-рыжий панковский хохол. Она - бесхитростный хулиганчик, эдакий буравчик, стелющийся на лыжах, выбивающий монеты из зрителей, которых она тормозит и тащит на манеж. Маске Алексея - якобы джентльмена манежа - стоит доверять лишь отчасти. Это он посылает на хулиганские задания свою партнершу. Это он благоволит к этому забавному существу и разрешает ей повеселить его. Почему бы нам не постеповать на лыжах вместе, а потом попробовать осилить и танго. Это Алексей выносит шампанское, чтобы устроить игру с бутылкой, пробкой, сблизивая клоунаду с жонглированием. Это он посылает своего рыжего пажа на дело в публику. Паж мчит и приводит на арену офицера, из которого якобы сыплются монеты в банку.

Эта пара предпочитает улыбку смеху, пластику - слову, цирковому трюку - юмор в трюке.